

В первый день Нового года сильный снег уже прекратился, но пепел и красные обрывки от сгоревших хлопушек всё ещё хранили во дворах праздничное дыхание минувшей ночи.

Разносчики, вынужденные круглый год хлопотать о заработке, уже ходили между деревнями, постукивая деревянными колотушками и выкрикивая свой товар. Горная дорога из деревни в городок превратилась в грязь и слякоть, снег и лёд могли таять ещё несколько дней, поэтому многим крестьянам оставалось покупать необходимое у разносчиков, а те заодно получали небольшой заработок.

— Иголки, нитки, мальтозные конфеты, медовые рисовые пирожки! — раздался голос разносчика за домом семьи Сяо.

Сегодня предстояло ходить с новогодними поздравлениями, поэтому Линь Мудун с самого утра готовил подарки: вино тусу, свежая свинина, персиковое печенье, рисовые пирожки и пампушки с узорами из фиников. Для маленьких детей приготовили ещё красные конвертики с деньгами - с такими подарками обычно и ходили по родственникам.

— Может, ещё купить мальтозных конфет и сушёных персиков, чтобы отнести старшему и второму дядям? Или чего-то ещё не хватает? — Линь Мудун никак не мог решить и сначала спросил Сяо И.

Он ведь впервые стал фуланом и ещё не привык вести домашние дела. С самого вечера его не отпускало беспокойство: вдруг кто-нибудь скажет, что хозяйство он ведёт недостаточно тщательно.

— Этого более чем достаточно, — Сяо И внимательно осмотрел всё приготовленное фуланом. — Есть вино, есть мясо - уже хорошие новогодние подарки. Конфеты и фрукты будут лишь украшением к тому, что и так прекрасно.

Линь Мудун кивнул, а потом тихо переспросил:

— Если я что-нибудь сделаю плохо... тебе не будет за меня стыдно?

Он ухватился пальцами за край одежды Сяо И и посмотрел на него снизу вверх. Вид у него был до того жалобный и неуверенный, что в этом взгляде одновременно смешались надежда и сильнейшее волнение.

Сяо И тут же принялся расхваливать его до небес:

— Ты всё подготовил так тщательно, что только добавишь мне чести. Старшие в роду получают подарки и наверняка скажут, какой у меня умный, ловкий и хозяйственный фулан.

Глаза Линь Мудуна сразу засияли. Его так легко удалось обрадовать, что он ещё долго

глуповато улыбался, совершенно забыв обо всех тревогах. Он уже не был таким робким, как в первые дни после своего появления здесь. За время совместной жизни Линь Мудун узнал, насколько хорошо к нему относится Сяо И, и теперь, когда ему становилось радостно, он сам начинал украдкой приближаться к нему.

Вот и сейчас он незаметно передвинулся на пару шагов ближе, словно никто этого не увидит.

Пока разносчик ещё не ушёл, Линь Мудун поспешил купить мальтозных конфет и сладостей. Всё аккуратно завернули, он взял свёртки в руки, после чего они вместе с Сяо И и бабушкой заперли дверь и отправились поздравлять родственников с Новым годом.

Саньхуа оказался умён почти как человек: выскользнул через лаз и без всякого стыда увязался за ними. У родственников жили его приятели-псы, да и сегодня там наверняка можно было выпросить немало костей, поэтому Сяо И великодушно не стал его прогонять.

Они вообще держали собаку не так, как многие другие семьи: почти никогда не привязывали верёвкой. Саньхуа был достаточно послушным и обычно не доставлял неприятностей. А не умеет он так хорошо слушаться, давно бы уже получил хорошую взбучку.

По заснеженным полям бабушка и двое молодых шли поздравлять родных с Новым годом, разговаривая и смеясь. Саньхуа носился впереди, потом, виляя хвостом, оборачивался и ждал их. Взгляд у него был такой, словно он говорил: «Папа, быстрее, быстрее, а то мясо всё съедят!»

Линь Мудун рассмеялся и, схватив Сяо И за руку, побежал.

В доме старшего дяди народу было много. Их семья относилась к старшей ветви рода, поэтому младшие родственники должны были сами приходить с новогодними поздравлениями, и Линь Мудун с остальными явились далеко не первыми. Хотя в душе Сяо И вовсе не признавал этих людей своей роднёй, они жили в одной деревне, и внешние приличия всё же следовало соблюдать, чтобы никто не получил повода для пересудов.

Они вдвоём подошли поздравить старших, и Чжоу Юньфэн с улыбкой вручила им два красных конверта. В руках те казались и тяжёлыми, и толстыми.

Линь Мудун украдкой широко распахнул глаза, вспомнил про свои конвертики с шестью вёзнями и вдруг почувствовал, что теперь их даже неловко вручать.

Сяо И наблюдал за реакцией фулана и, увидев, что тот, как он и ожидал, испугался внушительной толщины конвертов, едва сдерживал смех. Лишь благодаря немалой выдержке он не расхохотался прямо перед всей комнатой.

Линь Мудун заметил его улыбку и сам простодушно заулыбался, потом подбежал к Сяо И и

тихонько прошептал ему на ухо:

— Старшая тётушка столько положила.

— Угу... и правда немало, — у Сяо И уже заболели уголки губ от сдерживаемой улыбки.

Он пока решил не раскрывать фулану правду, пусть ещё немного порадуется.

— Тогда я тоже добавлю несколько вэней, — сказал Линь Мудун. — Шесть слишком мало. Положу десять, чтобы получилось полное совершенство.

— Не надо! — улыбка Сяо И мгновенно исчезла, и он поспешил остановить фулана, опасаясь, что вечером тот узнает правду и потом всю ночь не сможет уснуть от сожаления.

Когда пришло время раздавать красные конвертики, Линь Мудун с совершенно бесстрастным лицом посмотрел на Сяо Цици. Пусть Сяо Цици вечно любил его задирать, но приходилось признать: тот всё-таки считался младшим родственником, а сам Линь Мудун теперь был старшей невесткой в семье.

Сяо Цици взял красный конверт и тут же скривил лицо, всем видом показывая недовольство. Задрав подбородок, он тихо заявил:

— Всё равно я никогда не признаю тебя фуланом моего кузена.

Линь Мудун совершенно равнодушно ответил:

— Ничего страшного. Сяо И тоже не признаёт тебя своим кузеном.

Сяо Цици был разгромлен на месте.

Вскоре родственники семьи Сяо собрались почти все, пришли даже те, кто жил в соседних деревнях. Чжоу Юньфэн мельком осматривала принесённые новогодние подарки и, увидев бедных родственников, которые не могли позволить себе ни вина, ни мяса, про себя недовольно кривила губы. А когда такие ещё и приводили с собой детей, которым полагалось раздавать красные конвертики, настроение у неё портилось ещё сильнее.

Линь Мудун с бабушкой сидели за столом среди женщин и фуланов, пили чай, щёлкали семечки и слушали чужие разговоры. Пришли и второй дядя со своей женой, приведя с собой Нью-Ню.

Нью-Ню пряталась за матерью и робко смотрела в землю, не осмеливаясь озираться по

сторонам.

— Вторая тётушка, идите сюда, здесь ещё есть место, — тихо позвал Линь Мудун.

Он и сам был робкого нрава и хорошо понимал, как неловко им должно быть среди остальных.

Ли Син-эр чувствовала себя скованно и не знала, куда девать руки. Она понимала, что семья старшего брата смотрит на них свысока, но они всю жизнь были людьми честными, привыкшими терпеть и не спорить, поэтому всё равно принесли подарок и пришли поздравить родных с Новым годом. На всю семью они смогли наскрести лишь один цзинь серой муки. Ли Син-эр прекрасно заметила, как старшая невестка закатила глаза, но устраивать из-за этого сцену не собиралась.

Только семья мальчика И относилась к ним по-доброму. Ли Син-эр улыбнулась и, взяв дочь за руку, подошла к ним.

Женщины и фуланы из старшей ветви почти всё время хлопотали на кухне и выходили лишь тогда, когда нужно было вынести блюда. Среди них Линь Мудун увидел Фэн Цюжу. В последний раз он видел её в день свадьбы. На её лице не было и следа улыбки. Хотя она надела новую одежду, глаза оставались холодными и мёртвыми, словно стоячая вода. Она молча работала, опустив голову.

— Ты ещё не слышал? На второй день после свадьбы второй сын старшей ветви привёл из борделя одного гэра и поднял шум, что хочет выкупить его и взять в дом. А тот гэр то и дело грозился смертью, сразу заявил, что носит ребёнка семьи Сяо. Мол, если его не впустят в дом, он тут же разобьётся насмерть. Ну а раз человек из такого места, то уж понятно...

Линь Мудун ошеломлённо замер. Люди рядом отреагировали точно так же и ещё долго не могли оправиться от удивления. Для девушек и гэров из порядочных семей бордель был грязным, постыдным местом. Люди, честно зарабатывавшие себе на жизнь, ни за что не стали бы туда соваться. Поэтому, услышав такое, Линь Мудун был по-настоящему потрясён и ещё сильнее беспокоился о том, что теперь приходится переживать Фэн Цюжу.

— Бестолочь, совсем ничему хорошему не научился! — тихо выругался кто-то из дальних родственников.

— Вот уж невезение. Знала бы, вообще не пришла бы, только новогодние подарки зря перевела. Ещё говорят, будто в Сяохэ их семья зажиточная, а в красном конверте для моего сына ни одного медяка - одна красная бумага напихана!

Линь Мудун потрясённо распахнул рот, и семечка с тихим стуком упала на стол. Он поспешно опустил голову, развязал маленький мешочек и вскрыл свой красный конверт. Внутри действительно лежал всего лишь сложенный кусочек красной бумаги, на котором небрежно вывели два слова «счастье и благополучие». Причём написано это было даже не тушью, а

углём.

Тут Линь Мудун наконец понял, над чем всё это время сдерживал смех Сяо И.

Небо рухнуло!

По словам Чжоу Юньфэн, это была собственноручная надпись её старшего сына, сдавшего экзамен на сюэя, и в будущем они ещё захотят попросить его написать им такое, да не получат.

Линь Мудун сердито надул щёки. Знал бы заранее - ни за что не положил бы Сяо Цици восемь вэней! Двух было бы достаточно! Нет, вообще ни одного!

Один цзинь мяса и кувшин вина, которые они принесли, обошлись в целых пятьдесят вэней. Сяо И вставал затемно и продавал дрова, чтобы заработать примерно столько же медяков.

За обедом Линь Мудун ел изо всех сил, решив во что бы то ни стало отъесть обратно всё, что они сегодня подарили. Сяо И смеялся так, что уже заболел живот. Если бы вокруг не было столько людей, он бы непременно обнял фулана и хорошенько утешил. Его простодушный маленький фулан и вправду поверил словам старшей тётушки. Наверное, сегодняшний урок он запомнит надолго.

Так, среди всей этой неразберихи, и прошёл день новогодних поздравлений. В последующие несколько дней дел стало меньше, и снег больше не выпадал. Лёд и иней в горах начали таять, вода стремительно стекала вниз в речные протоки, на деревьях показались молодые почки - уже чувствовалось приближение весны.

После Праздника фонарей Сяо И попросил выбрать подходящий день и привёз домой поросёнка, которого ещё до Нового года заказал у дяди Гэ. Завести свинью для деревенской семьи было большим делом. Линь Мудун вычистил свинарник за восточной стороной дома и толстым слоем застелил его сухой травой. Погода всё ещё стояла холодная, и без такой подстилки поросёнок мог не выдержать.

До Нового года Сяо И уже водил его к дяде Гэ посмотреть на поросят. Тогда каждый был всего с ладонь, а теперь, наверное, вырос размером с тыкву - розовый, пухлый, приятно смотреть. Пока Сяо И ездил за поросёнком, Линь Мудун ещё раз вычистил соседний загон для домашней птицы и скота. Они ведь собирались держать не только свинью. Когда станет теплее, нужно будет купить цыплят и утят. Вот тогда двор по-настоящему оживёт - появится всякая живность, и большая, и маленькая.

Сяо И в одиночку привёз поросёнка. Тот сидел в клетке и от страха визжал во всё горло; по одному голосу было слышно, что поросёнок крепкий. Линь Мудун поспешил помочь снять клетку.

— Всё уже вычистил?

— Почти. Я постелил сухую траву и поставил каменное корыто. Бабушка сейчас варит корм. Я видел, что в погребе осталось много тыкв, которые мы всё равно не успеем съесть. Можно давать их поросёнку?

В деревне тыква не считалась редкостью: семена можно было просто разбросать по склонам и пустующим участкам, и каждый год урожай всё равно получался немалый. Но всё же это была пища, пригодная и для людей, поэтому Линь Мудун боялся, что Сяо И сочтёт расточительством кормить ею свинью. Молодой гэр, выросший в городке, впервые в жизни держал свинью и откуда ему было знать, чем её кормят? Он лишь полагал, что, как курам, уткам и гусям, ей нужно давать зерно, чтобы она выросла жирной и упитанной.

Поэтому, прежде чем спросить Сяо И, Линь Мудун долго подбирал слова, опасаясь, что тот решит, будто он не умеет вести хозяйство.

— Можно. Чем лучше кормить, тем быстрее свинья наберёт вес. На этом зерна экономить не будем, — Сяо И совершенно не жалел таких припасов и даже не догадывался, о чём беспокоится фулан.

Линь Мудун сразу расслабленно улыбнулся и с радостью пошёл посмотреть на поросёнка. Тот был весь розовый и пухлый, на вид до удивления милый. Стоило подумать, что в следующем году у них дома будет вдоволь мяса, и на душе становилось особенно спокойно и приятно.

Поросёнок боялся людей и, попав в свинарник, сразу забился в угол. Там лежал толстый слой сухой травы, так что замёрзнуть он не должен был, и Линь Мудун больше его не тревожил.

Хотя до настоящего начала весны оставалось ещё время, жители Сяохэ уже понемногу принимались за работу. Каждое утро на полях можно было увидеть стариков, рыхлящих землю мотыгами, а следом за ними молодёжь выдёргивала сорняки. Земля, которой владел Сяо И, почти вся была рисовыми полями; сухого участка у них имелся всего один му, и выращивать на нём можно было не так уж много. И всё же он с утра пораньше сходил осмотреть землю - какой бы маленькой она ни была, забрасывать её нельзя.

Рядом с их сухим полем тянулось больше десятка му пустоши и дикий горный склон. Эта земля принадлежала властям, и простым людям запрещалось самовольно её распахать: если поймают, потащат в ямэнь и высекут палками.

Линь Мудун взглянул на семейные сбережения и тихо вздохнул. Хотя жили они уже лучше большинства деревенских, денег всё равно не хватало даже на два му хорошей плодородной земли.

Главное сейчас - поскорее накопить ещё.

И тут Линь Мудун вспомнил о том диком пруду, который они нашли в прошлом году. В нём водилось немало рыбы и креветок. Если как следует их разводить, возможно, это тоже принесёт неплохой доход.

Линь Мудун взял корзину, набрал в погребе рассыпавшихся капустных листьев и отправился с ними к пруду кормить рыбу. Саньхуа выбрался следом через лаз и тоже побежал к воде. Когда они нашли этот дикий пруд, пса ещё не было в их доме, поэтому теперь всё вокруг казалось ему новым и любопытным. Он носился вдоль берега и громко лаял на воду.

— Вернись, не распугай рыбу, — окликнул Линь Мудун, заодно опасаясь, что Хуахуа свалится в пруд.

— Гав-гав-гав!

Чёрно-белые глаза пса неотрывно следили за водой. Услышав Линь Мудуна, он немного помялся, но всё-таки послушно вернулся. Линь Мудун сразу понял: в воде наверняка есть рыба. Он улыбнулся и бросил туда мелко нарубленные капустные листья. Сначала поверхность оставалась совершенно спокойной. Он ещё немного постоял на берегу и вскоре заметил, как в углу клочок капустного листа медленно потянуло вниз, пока тот совсем не исчез под водой.

Рыба в этом диком пруду у подножия горы была не такой крупной и жирной, как в глубоких горных заводах, но туда было слишком далеко: одна дорога туда и обратно занимала несколько шичэней, и ходить за рыбой так далеко просто не имело смысла. Достаточно было знать, что здесь рыба действительно кормится. Линь Мудун стряхнул землю с ладоней и позвал пса домой. Корзина осталась у дороги, но не успел он потянуться к ней, как Саньхуа уже схватил её зубами и побежал впереди.

Линь Мудун и удивился, и обрадовался. Он наклонился, погладил пса по голове:

— Какой умный. Уже и работать научился.

— Гав-гав!

Саньхуа яростно завилял хвостом и даже слегка выпятил грудь.

<http://bllate.org/book/19002/2086864>